

УДК 347.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/3723>

СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ЦИФРОВЫХ ПРАВ,
ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

Н. В. Алексеев

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

Поступила в редакцию 6 июля 2021 г.

Аннотация: цифровизация общественных отношений ставит задачу правового осмысления изменений в социально-экономической сфере, носящих подчас стихийный характер. В качестве предмета работы выступают институты цифровых прав, цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Эти явления долгое время существовали в правовом вакууме, однако, получив законодательное закрепление, по-прежнему остаются сложно понимаемыми. В статье автор делает сравнительный анализ указанных категорий, указывая особенности каждой из них. Основные результаты оформлены в виде тезисов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая валюта, цифровые права, цифровые финансовые активы, информационная система.

Abstract: the object of this work is a digitalization of public relations as a global process. This process sets the task of legal understanding of the changes in socio-economic sphere, that are sometimes spontaneous. The subject of the work is the digital rights, digital financial assets and digital currency institutions. For a long time these phenomena have existed in a legal vacuum, however, after they have received a legal confirmation, they still remain difficult to understand. In the article, the author makes a comparative analysis of these categories, indicating the features of each of them. The main results are presented in the form of abstracts.

Key words: digitalization, digital currency, digital rights, digital financial assets, information system.

Классическая экономика, как известно, представляет собой совокупность отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Однако с некоторых пор стал часто употребляться термин «цифровая экономика», которая предполагает выполнение всех вышеуказанных процессов с использованием цифровых технологий и информационных систем. Параллельно становлению цифровой экономики мы узнали многие ее элементы: криптовалюту, токены, цифровые товары, большие данные и многие другие явления, породившие дискуссии в среде юридической общественности. Какое-то время государство не обращало внимания на все эти изменения, но довольно быстро пришло осознание их значимости, а следовательно, потребности их правового регулирования. Закрепление института цифровых прав, циф-

ровых финансовых активов и цифровой валюты стало первой попыткой законодателя по легализации и урегулированию новой формы инвестирования, характерной для информационного общества. Базовой характеристикой для цифровой экономики является увеличение доли благ, не имеющих материального воплощения, но которые нельзя от этого считать нематериальными. Все три указанные категории объединяет то, что они существуют в нематериальной форме, представляя собой цифровой код. Более того, они могут существовать лишь в особой среде, называемой информационной системой, под которой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств¹. Рассмотрим каждую из категорий чуть подробнее.

Итак, дефиниция цифровых прав, содержащаяся в ст. 141.1 ГК РФ предлагает понимать под этим объектом обязательственные и иные права, названные в таком качестве в законе, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Говоря о данной формулировке несложно заметить, что законодатель пока достоверно не смог определить, какие именно права можно считать цифровыми, а используя термин «обязательственные и иные права», заложил пространство для маневра, который может быть как в сторону расширения перечня цифровых прав, так и в сторону ограничения. Неудивительно, что такая формулировка породила критику в научной среде, где указывалось на ее двусмысленность, а также то, что «иные» права включают в себя вообще все возможные имущественные права, в том числе абсолютные, а также обязательства из деликтов и кондикции и т.д.² Вместе с тем, по-видимому, с целью несколько сдержать доктринальные изыскания на этот счет, законодатель использовал прием бланкетного изложения нормы, указав, что перечень цифровых прав все-таки определяется законом. Подобная законодательная антитеза выглядит, по мнению автора, несколько странно, поскольку смешивает метод правового регулирования. Дело в том, что гражданское право, являясь частным правом, активнее всего использует метод правовой децентрализации, при котором правила создаются во множестве центров (в самом гражданском обороте). Использование обобщенных формулировок, таких как «иные права», говорит о децентрализации. В то же время словосочетание «названные в законе» указывают на централизацию и невозможность определения правил оборотом. Таким образом, дефиницию цифровых прав в этой части можно назвать неудачной, во всяком случае на текущий момент. Если законодатель хотел сохранять активную роль в определении перечня цифровых

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 09.03.2021) // Парламентская газета. 2006. 3 авг.

² См.: Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова [и др.] // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

прав, то следовало бы из дефиниции цифровых прав убрать формулировку «обязательственные и иные». Тем более, что единого понимания юридической сути и содержания этих прав в науке и практике не выработано. Вместе с тем характеристики цифровых прав, названные выше (нематериальный характер, существование в информационной системе в виде цифрового кода), были отражены в законопроекте № 424632-7³, где закреплялось, что права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом. Такой подход видится наиболее верным, понятным и последовательным. Следует также отметить законопроект № 419090-7, где цифровые права также называются «токенами инвестиционного проекта» или просто «токенами». Заметим, термин «токен», являющийся синонимичным «цифровым правам», был позаимствован из западных правовых порядков, однако в дальнейшем законодатель от его использования отказался и в актуальном законодательстве такой термин не упоминается.

Как было отмечено, при формулировании дефиниции цифровых прав законодатель прибегнул к бланкетному изложению нормы, применив отсылку к другим нормативным актам. Речь идет о Федеральном законе «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее – ФЗ «О привлечении инвестиций»). Предлагаем остановиться на нем подробнее. Данный закон предусматривает возможность привлечения инвестиций при помощи предложения утилитарных цифровых прав, кроме того, устанавливает специальные признаки для информационной системы, называемой законом инвестиционной платформой, в которой осуществляется оборот следующих цифровых прав:

1) технические средства инвестиционной платформы, на которых хранится база данных инвестиционной платформы, физически отделены друг от друга и подключены к информационно-телекоммуникационной сети;

2) база данных инвестиционной платформы находится под управлением программ, установленных на узлах инвестиционной платформы;

3) информационные технологии инвестиционной платформы осуществляют в автоматическом режиме (без участия человека) поддержание тождественности информации, содержащейся в базах данных инвестиционной платформы, на всех узлах инвестиционной платформы.

³ О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации : проект федер. закона № 424632-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // Рос. газета. 2019. 7 авг.

Таким образом, следует полагать, что инвестиционная платформа представляет собой реплицированную распределенную базу данных⁵, подключенную к сети «Интернет». Надлежит заметить, что ФЗ «О привлечении инвестиций» использует термин «утилитарные цифровые права», а ГК РФ – «цифровые права». Объяснить это можно тем, что термин «цифровые права» является родовым, а «утилитарные цифровые права» есть вид цифровых прав, например, наряду с дивидендными цифровыми правами, которые могут давать право на участие в распределении будущей прибыли компании. Закон выделяет три разновидности утилитарных цифровых прав:

- 1) право требовать передачи вещи (вещей);
- 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Из этого напрашивается вывод: если речь идет о субъективных правах, то выходит, что объектом цифрового права выступает само право как мера возможного поведения. Таким образом, смешивается субъективное право и объект права, а также возникает вопрос о «цифровых обязанностях». Тем не менее, это не совсем так. Принадлежность цифровых прав владельцу подтверждается цифровым свидетельством (ст. 9 ФЗ № 259), которое является неэмиссионной бездокументарной ценной бумагой, не имеющей номинальной стоимости. Цифровое свидетельство выдается депозитарием обладателю утилитарного цифрового права, учет которого осуществляется этим депозитарием. Если обладатель цифрового права (депонент) пожелает передать это право другому лицу, то депонент должен обратиться к депозитарию. Далее депозитарий обязан погасить цифровое свидетельство и зачислить утилитарное цифровое право, в отношении которого выдано такое цифровое свидетельство, на счет депо, указанный депонентом. На цифровые права может быть наложено обременение (залог), однако это будет означать и залог цифрового свидетельства. Наложение взысканий на цифровое свидетельство будет означать наложение взыскания на цифровое право. Стоит отметить, что участие депозитария в процедурах по осуществлению цифровых прав не является обязательным. Закон лишь упоминает о такой возможности и о том, что в этом случае депозитарий будет подчиняться специальному правовому регулированию⁶. Думается, что при отсутствии депозитария его функции будет выполнять оператор инвестиционной платформы. Эти замечания позволяют говорить о цифровых правах как о способе фиксации имущественных прав и применении к цифровым правам регулирования,

⁵ Речь идет о систематизированной базе цифровых транзакций, которые хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов, обеспечивающих ее тождественность у всех пользователей реестра.

⁶ О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Рос. газета. 1996. 25 апр.

посвященного бездокументарным ценным бумагам, которые также фиксируют имущественное право их владельца. Разница кроется в том, что для оборота бездокументарных ценных бумаг используется централизованная база данных, а для цифровых прав – децентрализованная (распределенная) база данных.

Каким же образом будет реализовываться привлечение инвестиций при помощи предложения утилитарных цифровых прав? Лицу, привлекающему инвестиции (далее реципиент) необходимо заключить с оператором инвестиционной платформы договор об оказании услуг по привлечению инвестиций. Далее реципиент получает возможность разместить свое инвестиционное предложение на инвестиционной платформе. В инвестиционном предложении, помимо всех существенных условий договора инвестирования, должны быть указаны срок действия такого инвестиционного предложения и минимальный объем денежных средств инвесторов, достижение которого является необходимым условием для заключения договора инвестирования. В инвестиционном предложении должен быть также указан максимальный объем денежных средств инвесторов, по достижении которого действие такого инвестиционного предложения прекращается. Инвестиционное предложение о заключении договора о приобретении утилитарных цифровых прав должно содержать условия их обращения и прекращения. Инвестор принимает инвестиционное предложение, выражая свою волю при помощи технических средств. После чего его денежные средства в безналичной форме поступают на счет, открытый оператору. Как только объем привлеченных средств достигает минимального объема средств, указанного в инвестиционном предложении, договор инвестирования считается заключенным. Если же минимальный объем средств набран не был, то договор инвестирования не заключается, о чем инвесторов уведомляет оператор. После заключения договора инвестирования инвестор получает утилитарное цифровое право.

Исходя из разновидностей утилитарных цифровых прав, приведенных выше, можно понять, на какие цели могут привлекаться средства инвесторов: создание товаров, результатов интеллектуальной деятельности, создание проектов по выполнению работ или оказанию услуг. Соответственно утилитарное цифровое право будет удостоверяет возможность инвестора требовать передачи указанных объектов.

Таким образом, под цифровым правом с технической точки зрения понимается цифровой код или обозначение. С юридической точки зрения это способ удостоверения имущественных прав, указанных в законе, подобный бездокументарной ценной бумаге. Этот способ удостоверения фиксирует принадлежность имущественного права внутри особой информационной системы, представляющей собой децентрализованную базу данных, подключенную к сети «Интернет». Иными словами, цифровые права – это новая форма существования имущественных прав, присущая цифровой экономике.

Перейдем к категории «цифровые финансовые активы» (далее – ЦФА). Исходя из Федерального закона «О цифровых финансовых активах, циф-

ровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О ЦФА»), под цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов⁷. Следовательно, ЦФА – это вид цифровых прав. Из определения можно понять, что закон выделяет следующие виды цифровых прав, являющихся ЦФА:

- 1) цифровые права, включающие денежные требования;
- 2) цифровые права, включающие возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- 3) цифровые права, предусматривающие возможность участия в капитале непубличного акционерного общества;
- 4) цифровые права, позволяющие требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов.

ЦФА могут приобретаться внутри информационной системы, отвечающей признакам, закрепленным ФЗ «О привлечении инвестиций». При этом ФЗ «О ЦФА» демонстрирует более централизованный подход к правилам информационной системы: их каждый раз должен утверждать Банк России.

Таким образом, законодательство закрепляет два вида цифровых прав: 1) утилитарные цифровые права; 2) цифровые права, являющиеся цифровыми финансовыми активами. Как видно, вторая группа отличается от первой тем, что предоставляет возможности получения дохода или управления организацией. Следует заметить, что ФЗ «О привлечении инвестиций» обособляет приобретение утилитарных цифровых прав от приобретения ЦФА, называя их способами инвестирования (ст. 5). В то же время выпуск, учет и обращение цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, осуществляются в соответствии с требованиями ФЗ «О ЦФА» к выпуску, учету и обращению цифровых финансовых активов.

ФЗ «О ЦФА» содержит определение понятия «цифровая валюта» (криптовалюта). Дефиниция вышла довольно объемная, поэтому выделим из нее главные признаки цифровых валют:

- 1) цифровая валюта представляет собой цифровой код в информационной системе;
- 2) цифровая валюта не является денежной единицей;
- 3) цифровая валюта может приниматься в качестве средства платежа или инвестиций;

⁷ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Рос. газета. 2020. 6 авг.

4) в отношении цифровых валют отсутствует лицо, обязанное перед «обладателем» цифрового кода в информационной системе.

В законе деятельность по организации выпуска и обращению цифровых валют называется «услугой». Дело в том, что цифровые валюты не имеют эмитента, а обращение их происходит внутри децентрализованной системы, установить контроль оператора над которой не представляется возможным. Надо полагать, в силу этих причин законодатель подошел к регулированию этого объекта с предельной осторожностью, посвятив обороту цифровых валют всего одну статью в ФЗ «О ЦФА», которая идет как бы заодно после регулирования цифровых прав. Уже из названия закона можно догадаться, что законодатель решил разделить цифровые права и виртуальные валюты. Между тем в законопроекте «О цифровых финансовых активах»⁸, подготовленном Министерством финансов РФ (законопроект Минфина РФ) и не внесенном в Государственную Думу РФ, используется термин «криптовалюта», под которой понимается вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций. Следует отметить, что этот законопроект демонстрировал широкий подход и к пониманию цифровых финансовых активов, под которыми предлагалось понимать имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Логично задаться вопросом о причинах изменения направлений регулирования новых объектов и о том, почему законодатель решил вынести виртуальные валюты за рамки цифровых прав. Итак, несмотря на то что законопроект Минфина РФ предлагал стройную структуру, предлагавшую в качестве родового объекта цифровые финансовые активы, которые включали цифровые права (токены) и виртуальные валюты, законодатель был вынужден отказаться от этого подхода. По мнению автора статьи, этому можно выделить ряд причин.

Прежде всего, стало ясно, что, несмотря на сходство указанных объектов (существование в рамках информационной системы в виде цифрового кода), они предоставляют «владельцу» разные виды имущественных прав. Виртуальная валюта является совокупностью цифровых данных, в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед обладателем этих данных. Иначе говоря, в отношении криптовалюты у ее держателя возникает абсолютное право. В то время как владелец ЦФА реализует свои возможности путем обращения к обязанным лицам (относительное право).

Следует также помнить о технических отличиях исследуемых объектов. В частности, имеется в виду невозможность контролировать информационную систему, внутри которой происходит оборот виртуальных ва-

⁸ О цифровых финансовых активах : проект федерального закона (подготовлен Минфином России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.02.2018). Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://regulation.gov.ru/> по состоянию на 16.02.2018.

лют. В связи с этим оператор данной системы имеет возможность только обеспечивать соответствие порядка выпуска и обращения виртуальных валют правилам информационной системы. Что же касается оператора информационной системы ЦФА, то он имеет больший объем полномочий в отношении цифровых записей. Например, закон вменяет в обязанность оператору информационной системы ЦФА обеспечить возможность восстановления доступа обладателя цифровых финансовых активов к записям информационной системы по требованию обладателя цифровых финансовых активов, если такой доступ был им утрачен. Отсюда можно полагать, что оператор здесь имеет прямой доступ к цифровым данным инвестора. Это позволяет вносить или изменять записи о ЦФА, когда это будет нужно, например для наложения взыскания по решению суда или для передачи ЦФА в порядке универсального правопреемства. В отношении же виртуальных валют действует иное правило, которое можно сформулировать следующим образом: утрата доступа (пароля) к специальной программе, отвечающей за хранение цифровой валюты, влечет утрату возможности распоряжения ею, а также невозможность восстановить этот доступ⁹. Следовательно, описанные операции с ЦФА будут невозможны с цифровыми валютами в случае потери пароля пользователем (или отказа в его сообщении).

Таким образом, обладание цифровым правом дает полномочие что-либо требовать от обязанного лица, следовательно, цифровые права должны иметь некое обеспечение. Виртуальные валюты, напротив, известны тем, что не имеют обеспечения. Можно сказать, что их обеспечение основывается на доверии к ним, т. е. соотношением предложения и спроса, а также стоимостью затрат на их «добычу». В этом состоит один из главных признаков виртуальных валют.

Описанные выше особенности становятся препятствиями для надлежащего правового регулирования такого объекта, как виртуальные валюты, и включение его в перечень цифровых финансовых активов. Причина, на наш взгляд, проста: существование и оборот виртуальных валют определяется в первую очередь правилами информационной системы. Преодолеть этот постулат, а следовательно, получить возможность правового регулирования этих объектов является неразрешимой задачей для регулятора. Тем не менее выход из этой ситуации давно известен: использование правовых фикций. Отнесение виртуальных валют к цифровым финансовым активам, как предлагал проект закона Министерства финансов РФ, позволило бы выстроить стройную систему цифровых финансовых активов, регулируемых специальным нормативным актом.

Дискуссия о введении в правовое поле института цифровых активов и регулирование отношений с ними велась до того, как получили легальное закрепление виртуальные валюты и цифровые права. Нельзя

⁹ См.: *Эльяс Касми*. Программист потерял пароль от флешки с биткоинами на сотни миллионов долларов // CNEWS.RU. 13.01.2021. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-01-13_amerikanskij_programmist (дата обращения: 30.04.2021).

не упомянуть в связи с этим работу Л. В. Санниковой и Ю. С. Харитоновой¹⁰. Авторы указывают, что признаками цифровых активов является нематериальный характер, цифровая форма существования (код), а также реальная или потенциальная стоимость. Кроме того, эти объекты могут быть воспроизведены специальным техническим устройством, т. е. они существуют в особой среде. При этом стоимостью обладает не сама запись кода, а удостоверенное ею право на зашифрованный в ней объект, включающее в себя правомочия на доступ к коду (логину, паролю, криптокошельку и т. п.) и на распоряжение цифровым активом. Авторы делают вывод, что правовому регулированию должны подвергаться не все цифровые активы, а лишь обладающие экономической ценностью и способные к обороту, к таковым авторы относят токены, криптовалюты, большие данные (Big Data), доменные имена, аккаунты. Надо полагать, что список подобных цифровых «товаров», существующих исключительно в сети «Интернет» следует оставить открытым. Так, в настоящее время переживает подъем новый вид цифровых прав, называемый прессой невзаимозаменяемыми токенами. Этот вид цифровых прав закрепляет права на предметы цифрового искусства¹¹ или виртуальное игровое имущество с помощью технологии распределенного реестра. Исходя из названия, эти цифровые права являются уникальными и не могут быть заменены.

Суммировав все вышесказанное, сформулируем основные тезисы:

– цифровые права и виртуальные валюты, являющиеся атрибутом цифровой экономики, существуют внутри особой среды в нематериальной форме, представляя собой цифровой код;

– цифровой код удостоверяет право его обладателя на какие-либо объекты гражданских прав;

– цифровые права есть способ фиксации имущественных прав;

– законодательство закрепляет родовую категорию цифровых прав, которая включает в себя две видовых: утилитарные цифровые права и цифровые права, являющиеся цифровыми финансовыми активами. При этом вторая группа отличается от первой тем, что предоставляет возможность получения дохода или управления организацией;

– в отношении виртуальных валют у их обладателя возникают абсолютные права, а в отношении цифровых прав относительные;

– утрата доступа (пароля) к специальной программе, отвечающей за хранение цифровой валюты, влечет утрату возможности распоряжения ею;

– частные отличия цифровых валют от цифровых прав перекрывают их принципиальные сходства: нематериальный характер, цифровая форма выражения, возможность воспроизведения с помощью специаль-

¹⁰ См.: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.

¹¹ См.: Марина Дульнева. Эрмитаж проведет первую в России выставку NFT-искусства // Forbes. 26.03.2021. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/424633-ermitazh-provedet-pervuyu-v-rossii-vystavku-nft-iskusstva> (дата обращения: 05.05.2021).

ного технического устройства, а также наличие реальной или потенциальной стоимости;

– фактическая невозможность включения цифровых валют в систему цифровых финансовых активов решается при помощи использования приема правовой фикции, что даст результат в виде упорядоченной системы новых объектов права, имеющих цифровую форму выражения.

Закрепление с недавнего времени в российском законодательстве цифровых прав и виртуальных валют является лишь первым шагом на пути легализации и дальнейшей легитимации новых объектов права, существующих в сети «Интернет». Насколько способствуют данные законодательные новации процессу общественного признания и эффективно использованию, по сути, новых объектов права, покажет время. Надо признать, что специфика этих объектов скорее всего не позволит в полной мере охватить их имеющимся гражданским законодательством. На наш взгляд, основной сложностью в регулировании институтов, ставших предметом работы, является тот факт, что они подчинены правилам информационной системы, которой присуще свойство наднациональности. Но это не означает потребность в новой правовой надстройке. Необходимо оценить возможность экстраполяции на эти институты существующих правовых институтов, а в той части, где это не представляется возможным, предусмотреть специальное регулирование. Законопроект Минфина РФ в связи с этим видится верной попыткой создания отдельного законодательного акта, устанавливающего систему новых объектов права, а также учитывающего их специфические черты.

Библиографический список

Марина Дутьнева. Эрмитаж проведет первую в России выставку NFT-искусства // Forbes. 26.03.2021. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/424633-ermitazh-provedet-pervuyu-v-rossii-vystavku-nft-iskusstva>

Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.

Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова [и др.] // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

Эльяс Касми. Программист потерял пароль от флешки с биткоинами на сотни миллионов долларов // CNEWS.RU. 13.01.2021. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-01-13_amerikanskij_programmist

References

Marina Dulneva. The Hermitage will hold the first NFT art exhibition in Russia // Forbes. 03/26/2021. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/424633-ermitazh-provedet-pervuyu-v-rossii-vystavku-nft-iskusstva>

Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Legal essence of new digital assets // Law. 2018. № 9. P. 86–95.

Digital rights as a new object of civil law / L. Novoselova [et al.] // Zakon. 2019. № 5. P. 31–54.

Elyas Kasmí. The programmer has lost his password from a flash drive with hundreds of millions of dollars // CNEWS.RU. 13.01.2021. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-01-13_amerikanskij_programmist

Для цитирования:

Алексеев Н. В. Соотношение институтов цифровых прав, цифровых финансовых активов и цифровых валют // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 180–190. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/3723>

Recommended citation:

Alekseev N. V. The correlation of digital rights, digital financial assets and digital currencies institutions // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022. № 1 (48). P. 180–190. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/3723>

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Алексеев Н. В., старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

E-mail: alekseev271191@mail.ru

Bryansk State Academician I. G. Petrovski University

Alekseev N. V., Senior Lecturer of the Civil Law Disciplines Department

E-mail: alekseev271191@mail.ru